

VI. ПРОБЛЕМЫ МУЗЕОЛОГИИ

УДК 069.01 □ 1930 □

Н.М. Дмитриенко, Л. А. Лозовая

ПЕРВЫЙ МУЗЕЙНЫЙ СЪЕЗД КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА РОССИИ

Рассматривается недостаточно изученный в литературе вопрос о работе I музейного съезда в Москве в декабре 1930 г., ставившего целью коренную перестройку музейной деятельности, направления ее в русло социалистического строительства. Выявлен состав делегатов, раскрыто содержание основных докладов, авторы которых выступали за превращение музеев в политико-просветительные учреждения, требовали от музейных работников овладения марксистской методологией, построения музейных экспозиций с опорой на формационную теорию общественного развития. Показано неоднозначное воздействие решений съезда на музейное дело России, частично сохраняющееся поныне.

Ключевые слова: музейное дело, музейный съезд, социалистическая перестройка музеев.

К изучению I музейного съезда, его влияния на музейное строительство в стране советские историки и музейеведы обращались неоднократно. Одной из первых работу съезда осветила А.Б. Закс: обозначила реальные мотивы созыва съезда, как стремление «произвести коренную реорганизацию деятельности музеев», указала в качестве важнейшего итога его работы поставленную перед музеями задачу «не только отражать исторические явления, но и подводить посетителя к их классовой оценке, мобилизовать волю трудящихся масс к действию, к борьбе за построение социалистического общества» [1. С. 165]. Выводы А.Б. Закс, опубликованные в официальном историческом журнале эпохи «развитого социализма», не могли быть иными, поэтому, думается, упрек в ее адрес о «достаточно высокой оценке роли съезда» не совсем справедлив [2. С. 143].

На рубеже 1980–1990-х гг. отношение к музейному съезду и его решениям стало меняться. Так, музейевед и искусствовед Н.В. Яворская писала: «Далеко не все из того, что говорилось на съезде, прошедшем полвека назад, было верным и приемлемым для нас сейчас... Все внимание было тогда устремлено на социалистическое строительство, акцентировалась идея обострения классовой борьбы. Лозунги, касающиеся политической и экономической ситуации, пытались применить к области культуры в целом и к музейному строительству в частности» [3. С. 64]. Позже появились научные публикации, в которых говорилось о негативном влиянии съезда на музейную жизнь страны [2. С. 141–143; 4. С. 145–147]. Такая неоднозначность и противоречивость оценок музейного съезда говорит о необходимости дальнейшего исследования.

Прежде всего, нужно вспомнить об исторической ситуации в России на рубеже 1920–1930-х гг., ныне известной как время «великого перелома»:

борьба против «буржуазных специалистов», пролетаризация культуры, преследования «старой» интеллигенции. Государственное руководство усиливало контроль над всеми проявлениями общественной жизни в стране, упраздняло органы печати, закрывало общественные организации и в то же время инициировало различные мероприятия, съезды, конференции, требуя от их участников поддержки и одобрения избранного курса. Одним из таких мероприятий стал и I Всероссийский музейный съезд, подготовка которого развернулась летом 1930 г.

Инициатором съезда выступил Наркомат просвещения РСФСР и его структурное подразделение – сектор науки, в составе которого работала музейная группа (бывший музейный отдел). По опыту других съездов был сформирован оргкомитет, заседания которого начались в конце мая и продолжались до дня открытия съезда 1 декабря 1930 г. Участники оргкомитета разработали «порядок дня»: утвердили тематику докладов на пленарном заседании, наметили названия и проблематику секционной работы. Были намечены и работали следующие секции: историко-бытовая, естественнонаучная, технико-экономическая, историко-революционная, художественная, антирелигиозная, военная, охраны памятников революционного движения, искусства и старины, политпросветсекция, организационно-методическая секция [5. Л. 1]. В некоторых крупных музеях, например в Музее революции СССР, были образованы специальные комиссии для подготовки к съезду, разработаны и разосланы по местным музеям анкеты, собраны сведения, обобщенные затем в доклад М.Б. Каплана «Научная работа в историко-революционных музеях» [6. С. 47–48]. Ко времени открытия съезда были выпущены тезисы докладов

на пленарном заседании, тезисы по отдельным, наиболее значимым для организаторов съезда секциям – историко-революционной и технико-экономической [7–9].

Приглашения делегатов были скоординированы с тематикой секций, в местные музеи были разосланы программные материалы оргкомитета съезда. Так, обсуждение этих материалов состоялось 3 ноября 1930 г. в Томском краевом музее. Директор музея М.Б. Шатилов вполне обоснованно предположил, что на съезде будут обсуждаться «очень большие проблемы общесоюзного масштаба, которые будут разрешаться с общесоюзной точки зрения, причем могут быть затушеваны местные вопросы». Тогда-то член совета Томского краевого музея Б.П. Юхневич высказался «за необходимость непосредственного участия музея в съезде». И затем была принята резолюция: «Признать участие Томского музея на съезде по высказанным мотивам с целью живой связи необходимым. ...Запросить телеграфом о времени съезда и условиях оплаты проезда» [10. С. 83]. Однако сведений о том, приняли ли во внимание мнение Томского краевого музея, не обнаружено.

Сформированная на съезде мандатная комиссия подсчитала, что на I музейный съезд собралось 325 человек, 209 из них с правом решающего голоса, 116 – совещательного. Среди участников съезда было 122 члена Коммунистической партии и 13 комсомольцев. На съезде присутствовало 72 выходца из рабочих, 53 – из крестьян, 120 служащих; зарегистрировалось даже 23 человека, принадлежавших к мещанскому сословию, и 36 делегатов, отнесенных к «прочим». Высшее образование имели 17% участников съезда, среднее – 33%, и, следовательно, каждый второй делегат имел только начальное образование. Выяснилось также, что 36% делегатов работали в музеях менее одного года, стаж от года до 10 лет имели 47%, свыше 10 лет – 17%. Сведения относительно территориального представительства оказались слишком общими. В докладе мандатной комиссии указывалось, что делегаты съезда представляют 16 краев и областей и 6 автономных республик, а также 7 союзных республик СССР [11. Л. 142]. Более точные цифры не сообщались, но по косвенным данным, по материалам анкет участников музейного съезда, обработанным и опубликованным уже после закрытия съезда, можно говорить, что на нем были представители 62 из 345 краеведческих музеев РСФСР, в их числе 13 областных и 45 районных [12. С. 96].

Нужно отметить, что организаторы съезда осознавали свой промах, но истолковывали его

весьма своеобразно. Так, А.С. Бубнов сетовал, что слишком мало мест на съезде предоставили областным и краевым музейным организациям, что нет представителей фабрик и заводов, заявил о важности привлечь внимание к съезду местных партийных и советских руководителей, «втянуть» комсомол, а отметив недостаточное участие музейных работников, выразился, в духе времени, о необходимости их привлечения, «чтобы их немного поучить» [11. Л. 140].

Съезд, начавший свою работу 1 декабря 1930 г. в пять часов вечера, приветствовал нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов. Он не присутствовал на открытии, но его выступление, в котором он сформулировал главную задачу съезда, было озвучено, а затем и опубликовано в виде брошюры. Речь наркома начиналась словами: «Позвольте мне передать горячий привет участникам съезда, а в их лице всем музейным работникам, ведущим на громадной территории нашей страны работу по реорганизации музейного дела в интересах всемерного приспособления его к важнейшим задачам строительства социализма». Далее А.С. Бубнов сообщал: «Приходится констатировать, что музейная сеть и музейная работа в большей степени, чем какая-либо иная отрасль советского строительства, сохранила в себе значительные пережитки отсталости, отрыва от актуальных задач борьбы и строительства сегодняшнего дня, архаизма внутренней организации музеев, застойности и рутины в деле разработки и разрешения вопросов музейной экспозиции» [13. С. 3]. По сути, он излагал постановление коллегии Наркомата просвещения, вышедшее в июне 1930 г., в котором говорилось о том, что музеи «чрезвычайно отстают от темпов и требований социалистического строительства» [цит. по: 2. С. 141].

Этот тезис об отсталости и застойности музейного дела, о необходимости его «коренной перестройки» повторялся в разных вариантах в других выступлениях участников съезда. А один из делегатов даже предложил отказаться от самого понятия музей как устаревшего. Предлагались и пути, и способы «перестройки». Так, заведующий сектором науки Наркомата просвещения И.К. Луппол первым высказал предложение «переделать» старые музеи, превратить их «в музеи новые, построенные на принципах диалектического материализма». И говорил об этом следующее: «Если мы хотим строить музей в соответствии с положениями диалектического материализма, то музей, являясь собранием вещей и предметов, должен вместе с тем показать движение этих предметов, а вместе с ними и всей совокупности явлений». Правда, тут же добавлял: «Конечно, было бы кричащей вульгарии-

зацией думать, что если мы заставляем наши отдельные экспонаты двигаться, то этим мы выявим категорию движения, как конкретную характеристику материального бытия. Речь идет не о механическом движении отдельных экспонатов, а о движении историческом, что, несомненно, выявить на музейных экспонатах гораздо труднее» [14. С. 11].

Другой способ «перестройки» был предложен в докладе директора Исторического музея Ю.К. Милонова. Он считал, что «все музеи должны иллюстрировать своим материалом те конкретные высказывания, которые имеются насчет объектов их работы у классиков марксизма: Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина». И в соответствии с классовым подходом в историческом изучении декларировал: «Особенно остро перед музеями стоит задача показать формы классовой борьбы в сфере их деятельности. Разъяснить классовые задачи пролетариата и генеральную линию партии. Одной из важнейших задач музеев в этой области является разоблачение и опровержение классово-враждебных пролетариату концепций. А в особенности теории и политических построений как правых, так и левых оппортунистов» [15. С. 4].

Ю.К. Милонов прямо указывал, что «задачей исторических музеев (в том числе и музей-дворцов, усадеб и т.п.) является показ не столько истории культуры, сколько диалектики развития общественных форм, возникновения, развития и уничтожения социальных формаций и их смены, доводя это развитие обязательно до современности» [15. С. 6].

Характерный пример освобождения от «отсталости и застойности», а называя вещи своими именами, пример политизации музейной жизни, подали организаторы съезда. Так, заместитель наркома просвещения М.С. Эпштейн, открывая съезд, заявил: «Во время хода процесса вредителей контрреволюционеров, который, если можно так выразиться, физически ощущается нами, я выдвигаю лозунг “Долой нейтральность, аполитичность и пресловутую лояльность”, прикрывающую контрреволюционное вредительство. Будем гордиться тем, что мы являемся пионерами в творческой работе, в деле подчинения музея интересам борьбы за социализм, за новое общество, что мы являемся пионерами в деле построения музея, подчиненного интересам строительства нового общества, в котором нет войн, нет эксплуатации и рабства, и в котором достижения новой техники, науки и искусства являются достоянием миллионов» [16. Л. 15].

И тут же с места поступило предложение: добавить в резолюцию съезда слова «о выражении

своих чувств и мнений в связи с процессом вредителей», требовать расстрела этих вредителей и награждения ОГПУ орденом Ленина [16. Л. 18].

Вопрос о связи музеев с современностью поднял Ю.К. Милонов. Казалось бы, он выдвигал справедливое положение о том, что материалы в музеях должны отражать историческое развитие, показывать исторические корни современности. Но в качестве реализации этого положения предлагал «более непосредственный отклик музеев на вопросы текущей политики в форме организации специальных эпизодических выставок, приуроченных к датам важнейших политических и хозяйственных кампаний и к срокам заседаний руководящих советских и партийных органов» [17. С. 13].

В таком же ключе выступил директор показательного краеведческого музея в г. Истра Н.А. Шнеерсон. Сначала он вполне оправданно ставил перед краеведческими музеями задачу «изучения определенной территории и ее отражения в музейной экспозиции», указывал на необходимость изучать взаимоотношения человека и окружающей его природной среды, отмечать те изменения, которые человек вносит в природное окружение. И потому предлагал как основополагающий в краеведческом музее метод ландшафтной экспозиции, позволяющий раскрыть «природные явления» во взаимодействии с человеком. Но тут же, повинуясь установке съезда, добавлял, что музейная экспозиция призвана раскрывать различные явления в жизни природы и общества «в свете диалектического материализма и тем самым содействовать сознательному и активному участию в социалистическом строительстве». И потому считал, что музей – это прежде всего «орудие коммунистической пропаганды, социалистическое орудие борьбы за социалистическое общество, за новый быт». И экспонировать окружавшие человека памятники природы, предметы, свидетельствовавшие об историческом развитии общества, Н.А. Шнеерсон полагал нужным только для того, чтобы «наглядно показать победносное шествие носителя учения Маркса – Ленина – современного пролетариата» [18. С. 31–34].

Развивая выступление А.С. Бубнова, А.Н. Шнеерсон заговорил о «кунсткамерности», сказал, что она мешает сделать краеведческие музеи «подлинным орудием коммунистической пропаганды в социалистическом строительстве». И далее заявлял: «Я утверждаю, что пока эта кунсткамерность не будет ликвидирована, все наши призывы к превращению краеведческих музеев в отряды социалистической борьбы останутся только голыми фразами, и мы это-

го лозунга не реализуем» [16. Л. 93]. (Надо отметить, что упреки в кунсткамерности в адрес некоторых музейных работников сохранялись в литературе вплоть до середины 1990-х гг.).

Важнейший для своего времени вопрос, ответ на который на годы вперед определил место и роль музеев в советской России, подняла заместитель наркома просвещения Н.К. Крупская. По сохранившейся в архиве стенограмме ее выступления (в ней пропущены не разобранные стенографисткой слова, взятые нами в угловые скобки) видно, что Н.К. Крупская, в отличие от многих других выступавших на съезде руководителей, не скрывала свое непонимание сущности музейной работы. Она так и сказала: «Товарищи, я не специалист по музейному делу, и буду только с политпросветской точки зрения подходить к вопросу. Весьма возможно, что я в отношении многих вопросов не знаю <...> стоят в настоящее время в музее, но надеюсь, что в прениях будут внесены все нужные дополнения». И продолжала: «Еще до сих пор с понятием музея часто связывается представление о какой-то кунсткамере, о какой-то коллекции, о сборе каких-то предметов», – и предлагала рассматривать музей как «кусочек, как определенную часть социалистического строительства», чтобы было ясно, что «музей – это тот же участок классовой борьбы» [19. Л. 1].

Выступившая вслед за Н.К. Крупской ее помощница, сотрудница Наркомата просвещения Р.Н. Фрумкина без колебаний призывала «установить форму музея, как части политпросветкомбината». Полагала, что «задачей музеев в ближайший период является включение в общее русло политпросветительных учреждений на основе общего плана, что дает возможность шире охватить массу и углубить работу посетителей музеев» [20. С. 40].

Развивая положение о музее как политико-просветительном учреждении, А.И. Замошкин предлагал: «Работа музеев должна преследовать в своей деятельности в первую очередь задачи борьбы за осуществление программы пятилетнего плана социалистического и культурного строительства». Считал, что музеи следовало переориентировать на борьбу под лозунгом «догнать и пергнать», на проведение работы в помощь осуществления политехнизации школы и всеобщего начального обучения, на проведение антирелигиозной пропаганды [21. С. 55–56]. Выступление этого делегата хорошо показывает, как музеям навязывались совершенно несвойственные им функции.

Нужно отметить, что на съезде активно обсуждались вопросы внутримузеевской жизни. При

этом, наряду со справедливыми и верными суждениями, высказывалось и совершенно неприемлемое. Так, Ю.К. Милонов говорил: «...Основным элементом экспозиционной работы обществоведческих музеев является не предмет-памятник, а законы развития, диалектика данной области общественной жизни. В связи с этим основным элементом их экспозиции должны быть не вещи и не декоративное пятно, а «музейное предложение», т.е. мысль, выраженная комплексом подлинных предметов, связанных между собой в неразрывное целое при помощи надписей и разного рода иллюстраций». И завершал свои рассуждения тем, что показ диалектики развития невозможен только через подлинные предметы, что они «бессильны дать цельную и целостную картину как социальной формации, так и смены формаций», поэтому предлагал использовать копии и реконструкции, правда, добавлял, чтобы они не заслоняли подлинные предметы. Как и некоторые другие участники съезда, Ю.К. Милонов предупреждал об «опасности» вещевизма, предлагал «по остаткам орудий труда восстанавливать социальные формации», характеризовать «социальные отношения вплоть до классовой борьбы» [22. С. 34–36].

Другие делегаты съезда придерживались более здравого мнения, но и значимые для музейного дела предложения излагали в идеологизированной форме, полностью подчинясь главной идее съезда о перестройке всей музейной работы в интересах строительства социализма, о включении музеев в классовую борьбу. Так, представители сектора науки Наркомата просвещения, в ведении которого находились и музеи, говорили о необходимости разработки методологии музееведения, о привлечении к решению этой задачи и руководителей, и сотрудников музеев. И с этой целью предлагали издание нового журнала «Советский музей», создание научно-исследовательского института методов музейной работы, а также особых методических комиссий при областных музеях «для научной углубленной разработки марксистских методов и программ музейной работы» [21. С. 56–57].

Заведующий сектором науки И.К. Луппол разработал новую «диалектико-материалистическую» классификацию российских музеев. Выделял как особые группы естественнонаучные, технико-экономические, общественно-исторические, «надстроечные» (антирелигиозные, художественные) и комплексные музеи. А в качестве критерия классификации выдвигал «форму движения материи», противопоставляя его «вульгарно

материалистической установке» на «вещественный материал экспонатов» [14. С. 30].

Представитель Музея революции С.И. Мицкевич настаивал на укреплении связей музеев с архивами и такими организациями, как Общество старых большевиков, Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, кружки участников революционного движения, говорил о необходимости расширения подготовки специалистов музейного дела, в том числе экскурсоводов, о создании киноаудитории при музеях революции. И подчеркивал, что предлагаемые меры будут способствовать выполнению политических задач музеев революции – «увязывать историю классовой борьбы с той борьбой, которую теперь ведет пролетариат в СССР и во всем мире за свою конечную цель – победу коммунизма» [23. С. 5–6].

Предложения о кадровом обеспечении музеев, о привлечении «опытных и идеологически выдержанных» сотрудников, руководителей экскурсий по музею, об использовании кино и радио в музейной работе, как «могущественного средства коммунистического просвещения и агитации», выдвигал О.Л. Кузнецов, представитель Центрального музея охраны труда [24. С. 3–4]. Проблему привлечения в музеи посетителей затрагивал И.С. Фридрих, причем настаивал на том, что нужно стремиться не просто к увеличению числа музейных зрителей, а обеспечить «максимальное привлечение в музей рабочего зрителя» [25. С. 10].

Некоторые участники съезда пытались вынести на обсуждение волнующие их проблемы. Так, делегат из Новороссийска Узляков рассказал об уничтожении памятников в музеях Анапы и Геленджика, где музейные предметы буквально выбросили на улицу, так как помещение понадобилось для местных органов власти [16. Л. 179]. С критикой выступил делегат из г. Луги Михайлов, сказав, что приехал учиться строить музеи «на почве диалектического материализма». И заявил: «Проблесков этой необходимой нам методики мы не увидели. Мы видим только топтание на месте, критику отдельных моментов, а общего построения необходимой нам схемы мы еще не видели». И отметил то, что хорошо видно и сейчас по выступлениям некоторых руководителей музейного дела: «Наш руководящий центр очень мало изучил работу наших маленьких низовых музеев». Указал, что в местных музеях уже давно наработан опыт работы и с передвижками, и с агроуголками, а руководство съезда предлагало эти формы работы как новые [19. Л. 11].

Серьезной критике подверг предложения И.К. Луппола о классификации музеев Б.Л. Богаев-

ский, профессор Ленинградского историко-лингвистического института (бывший профессором, а в 1921–1922 гг. и ректором Томского университета, и, по сведениям М.Б. Шатилова, первым заведующим музейной секцией при Томском губернском отделе народного образования). Он спрашивал докладчика, как осуществить классификацию музеев, в основе которой – движение вещей. И добавлял: «Надо спросить, а что такое музей?». И вполне уверенно заявлял: «Мы не сможем провести по желанию тов. Луппола о переводе всей нашей музейной работы на диалектический материализм, если станем изучать только марксистскую методологию». Предлагал выработать навыки методологии, изменять свое миропонимание, преобразовывать старые музеи в новые с помощью высококвалифицированных кадров [16. Л. 130–132]. А делегат Лурье прямо высказал свое несогласие: «Тезисы доклада Луппола являются совершенно неприемлемыми» [5. Л. 109].

Главный итог своей работы и перспективы развитие музейного дела организаторы съезда определили так: «Бесповоротный разрыв с аполитизмом в музейной практике... теснейшая увязка работы музеев с очередными задачами социалистического строительства и культурной революции» [26. С. 2]. В решениях и резолюциях съезда ставились задачи включить музеи «в общее русло политико-просветительных учреждений», «установить форму музея как части политпросветкомбината» [27. С. 666], провести реорганизацию музеев и их экспозиций «на основе марксистско-ленинского учения», положив в основу «историко-общественные формации», раскрывая формы классовой борьбы [26. С. 4]. Были предложены рекомендации, не утратившие своего значения до сих пор, например, лекции и кинопоказы в музее, передвижные выставки из фондов, изучение музейного зрителя с помощью специально разработанных методик [28. С. 639–640].

Многие высказанные на съезде предложения были реализованы. С января 1931 г. был налажен выпуск журнала «Советский музей», выходивший под редакцией И.К. Луппола, как «направленческий орган, проводящий в музейное строительство точку зрения диалектического материализма», как борец с «буржуазно-идеалистическими традициями в музейном деле» [29. С. 5]. При Центральном институте повышения квалификации работников просвещения открылось музейное отделение для «подготовки ученых марксистов-музееведов»; с 1934 г. действовали высшие музейные курсы [2. С. 145; 30. С. 24–25]. При музейном отделе Наркомпроса (организованном в 1933 г.) был создан

научно-методический совет, сформированы методические советы при местных органах управления музейным делом. Определенным стимулом музейно-исследовательских исследований послужило преобразование в 1937 г. научно-исследовательского института краеведения (в связи с ликвидацией Центрального бюро краеведения) в Институт краеведческой и музейной работы (совр. НИИ культурологии) [31. С. 167; 32. С. 79]. Согласно решениям 1-го музейного съезда в музеях в обязательном порядке создавались отделы социализма, началась подготовка типовых экспозиций с опорой на формационную теорию общественного развития.

Сверхзадача 1-го Всероссийского музейного съезда – повернуть музейное дело на социалистические рельсы – означала полное подчинение музеев административному и идеологическому контролю со стороны партийно-государственного руководства. В соответствии с этим складывалась новая музейная концепция, в основу ее было положено высказывание одного из организаторов съезда: «Музеи – на службу социалистическому строительству, на службу культурному обслуживанию масс» [27. С. 641]. Представление о музее как обслуживающем нужды государственной власти и управления, как о культурно-вспомогательном учреждении, лишенном самостоятельного значения, закрепилось в официальных документах, в исследовательской литературе, в общественном мнении. И несмотря на изменившиеся исторические условия, это ущербное представление живо до сих пор и определяет место и роль музеев в общественном развитии и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Закс А.Б.* Всероссийский музейный съезд // Вопросы истории. М., 1980. № 12. С. 164–167.
2. *Кузина Г.А.* Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). М., 1991. С. 96–172.
3. *Яворская Н.В.* Первый Всероссийский музейный съезд (1930) Из истории советского искусствознания. О французском искусстве XIX–XX вв. М.: Советский художник. 1987. С. 53–64.
4. *Музейное дело России.* 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М.: ВК, 2010. 676 с.
5. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).* Ф. А-2307. Оп. 1. Д. 45.
6. *Иванова О.А.* Подготовка к музейному съезду // Справочник Музея революции СССР. М., 1930. Вып. 2. С. 47–48.
7. *Тезисы докладов к 1-му съезду музейных работников / Центральный музей охраны труда и социального страхования НКТ СССР, РСФСР и Московского областного отдела труда.* М., 1930. 20 с.
8. *Справочник Музея революции СССР.* М., 1930. Вып. 2. 61 с.
9. *Первый Всероссийский музейный съезд: тезисы докладов.* М.; Л., 1930. 58 с.
10. *История Томского краеведческого музея языком архива / публ. Е.А. Андреевой // Труды Томского областного краеведческого музея: сб. статей / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 11. С. 3–159.*
11. *ГАРФ.* Ф. А-2307. Оп. 15. Д. 46.
12. *Н.А.Ш.* Научно-исследовательские работы краеведческих музеев РСФСР (по материалам анкет Первого музейного съезда) // Советской музей. М., 1931. № 1. С. 96–97.
13. *Бубнов А.* Приветствие и речь на 1-м музейном съезде (1–5 декабря 1930 г.). М.; Л., 1931. 22 с.
14. *Луттол И.* Диалектический материализм и музейное строительство: доклад на Первом Всероссийском съезде 1 декабря 1930 г. М.; Л., 1931. 32 с.
15. *Целевые установки музеев различного типа: тезисы доклада Ю. Милонова // Первый Всероссийский музейный съезд: тезисы докладов.* М.; Л., 1930. С. 3–11.
16. *ГАРФ.* Ф. А-2307. Оп. 15. Д. 43.
17. *Исторические музеи на службе текущей политики: тезисы доклада Ю. Милонова // Первый Всероссийский музейный съезд: тезисы докладов.* М.; Л., 1930. С. 12–14.
18. *Принципы построения советского краеведческого музея: тезисы доклада Н.А. Шнеерсона // Первый Всероссийский музейный съезд: тезисы докладов.* М.; Л., 1930. С. 31–34.
19. *ГАРФ.* Ф. А-2307. Оп. 15. Д. 44.
20. *Принципы и формы массовой политпросветработы в музее: тезисы доклада Т. Фрумкиной // Первый Всероссийский музейный съезд: тезисы докладов.* М.; Л., 1930. С. 40–42.
21. *Основы организации плано-методической музейной работы: тезисы доклада А.И. Замошкина // Первый Всероссийский музейный съезд: тезисы докладов.* М.; Л., 1930. С. 55–58.
22. *Милонов Ю.* Принципы экспозиции в общественных музеях // Первый Всероссийский музейный съезд: тезисы докладов. М.; Л., 1930. С. 34–36.
23. *Мицкевич С.И.* Музеи революции, их идеологическое и организационное руководство: тезисы доклада // Справочник Музея революции СССР. М., 1930. Вып. 2. С. 5–8.
24. *Кузнецов О.Л.* Формы и методы массовой работы производственно-технических и естественно-биологических музеев // Тезисы докладов к 1-му съезду музейных работников / Центральный музей охраны труда и социального страхования НКТ СССР, РСФСР и Московского областного отдела труда. М., 1930. С. 3–6.
25. *Фридлянд И.С.* Организационные и методические принципы экскурсионной и лекционной работы музеев // Тезисы докладов к 1-му съезду музейных работников / Центральный музей охраны труда и социального страхования НКТ СССР, РСФСР и Московского областного отдела труда. М., 1930. С. 10–13.
26. *Луттол И.К., Шнеерсон Н.А.* Ко всем музейным учреждениям / Сектор науки НКП РСФСР. М., 1931. 16 с.
27. *Материалы Первого Всероссийского музейного съезда // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. докл. и мат-лов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 641–670.*
28. *Черкаева О.Е.* Первый Всероссийский музейный съезд (1930): [вступительная статья] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: докл. и мат-лов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 637–640.
29. *О задачах «Советского музея» // Советский музей.* М., 1931. № 1. С. 3–6.
30. *Безсонов С.В.* Подготовка музейных кадров // Советский музей. М., 1931. № 1. С. 23–26.
31. *О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах: Постановление СНК РСФСР 10 июня 1937 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 4: 1935–1945 гг. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 167.*
32. *Фролов А.И.* Из истории становления музееведческих центров России // Музей и власть. М., 1991. Ч. 2: Из жизни музеев. С. 62–103.